

NEWS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 5, Number 315 (2017), 82 – 89

УДК 894.342

S.M. Altybayeva¹, A.R. Khazbulatov²

¹Kazakh Ablai khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan,
asm2007@mail.ru ;

² Kazakh Research Institute of Culture, Astana, Kazakhstan,
kaz.madeniet@gmail.com

HISTORICAL AND CULTURAL CODES OF THE LITERATURE OF KAZAKHSTAN: PHENOMENOLOGICAL ASPECT

Abstract. In the article, in the phenomenological aspect, the problems of the content and functioning of historical and cultural codes in Kazakh fiction are examined. Semantics, narrative functions of historical and cultural codes in the aspect of the general theory of coding are singled out. Kazakh literature, especially historical prose, as a special form of national consciousness, contains numerous cultural codes, fixed in the oral and written traditions.

The historical and cultural codes in the literary text, in their phenomenological, communicative and dialogical nature, converge with universals in the general philosophical meaning, the universalisms of culture, understood as "universal human representations of cultural experience and activity", literary concepts and universals proper. The functional purpose and semantics of the CQI in literature is determined by the author's concept of modeling art time and space, the system of images, the genre-style specificity of the text, the worldview and aesthetic attitudes of the author. Phenomenological aspect of such modeling and coding technique of significant historical and cultural information is explained by the presence of implicit and explicit informants of the text, determined by the predetermined "script" of the narrative.

Key words: historical and cultural codes, literature, tradition, cultural heritage, functions, semantics, phenomenological aspect.

С.М. Алтыбаева¹, А.Р. Хазбулатов²

¹ Казахский университет международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан;

² Казахский научно-исследовательский институт культуры, Астана, Казахстан,

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ ЛИТЕРАТУРЫ КАЗАХСТАНА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье в феноменологическом аспекте исследуются проблемы содержания и функционирования историко-культурных кодов в казахской художественной литературе. Выделяются семантика, повествовательные функции историко-культурных кодов в аспекте общей теории кодирования. Казахская литература, в особенности историческая проза, как особая форма национального сознания включает в себе многочисленные культурные коды, закрепленные в устной и письменной традиции.

Историко-культурные коды в литературном тексте по своей феноменологической, коммуникативной и диалогической природе сближаются с универсалиями в общеполитическом значении, универсалиями культуры, понимаемыми как «общечеловеческие репрезентации культурного опыта и деятельности», собственно литературными концептами и универсалиями. Функциональное назначение и семантика ИКК в литературе детерминируется авторской концепцией моделирования художественного времени и пространства, системы образов, жанрово-стилевой спецификой текста, мировоззренческими и эстетическими установками автора. Феноменологический аспект подобного моделирования и техники кодирования значимой историко-культур-

ной информации объясняется наличием имплицитных и эксплицитных информантов текста, определенной заданностью «сценария» повествования.

Ключевые слова: историко-культурные коды, литература, традиция, культурное наследие, функции, семантика, феноменологический аспект.

Современный глобальный мир со свойственной ему полярностью, драматизмом, неустойчивостью, часто столкновением различных идей и концепций о настоящем, прошлом и будущем объективно отражается в художественной литературе и искусстве. В связи с чем реактуализируются вопросы культурного кодирования/декодирования, связанного с наследованием, традицией, мифопоэтическим моделированием, исключительной философской риторикой, что в конечном итоге приводит к созданию качественно новой эстетической парадигмы. Начало масштабного проникновения в художественное творчество философского подхода было положено еще в начале XX века. Как отмечает А.М.Зверев: «Новизна, привнесенная XX в., - впрочем, и о ней следует говорить с оговорками – скорее заключается в появлении, верней, широком распространении особого типа писателя, у которого философское мышление и художественное творчество составляют живое единство, так что *философия эстетизируется, а литература пропитывается концептуализмом*» [1] (курсив наш – А.С., А.Х.). Предложенное определение продолжает «работать» и относительно литературы XXI века.

Стремление к глубине обобщений, поиску объемных универсальных средств и приемов в художественной разработке сюжета, образа, характера, мотива, времени, пространства, закономерно приводит художников к идее кодирования, «концептуализации данных», способной установить «связь между конкретными фрагментами текста (единицами анализа) и более абстрактными категориями» [2]. Актуализация и «концептуализация данных», которая является предметом общей теории кодирования [Тичер], для литературного и других видов гуманитарного дискурса становится ключевой, опорной ментальной платформой для нахождения оригинальных эстетических инструментов и техник. Это связано с самим феноменом художественного сознания как особой формы осмысления окружающей действительности, сложных взаимосвязей человека, общества, различных трансцендентных и прецедентных случаев.

Художественное сознание, оперирующее, помимо предметно-вещных, абстрактными, часто метафизическими категориями и понятиями, связано с феноменом культурного кода как исключительной возможности актуализировать, концептуализировать и транслировать значимую в культурном, гносеологическом плане значительный объем информации, расширять и углублять парадигмальные отношения между собственно художественными компонентами и возникающими ассоциативными рядами.

Культурный код в тексте представляет собой сложный артефакт, обладающий безусловной ценностью и значением в раскрытии идеи и концепции произведения. Отсюда – аксиологическая природа культурного кода. Другим важным качеством культурного кода в контексте литературы - это его функциональная долговечность, протяженность во времени.

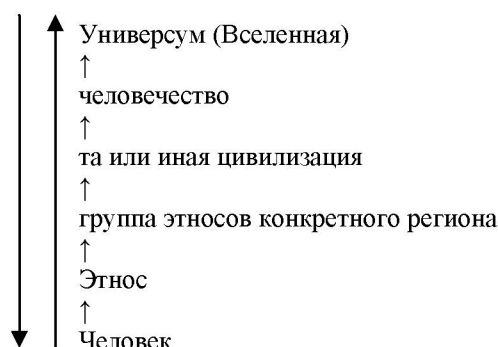
В научной парадигматике литературоведения культурный код еще требует тщательного терминологического оформления. В качестве культурных кодов в литературном тексте могут выступать исторические и архаические реалии, обычаи, традиции, нравы, мифологемы (мифы), универсалии, концепты, стереотипы, легенды, притчи и другие идиоматические полисемантические выражения. Культурный код в художественном тексте рассматривается нами также как целостный эстетико-информативный конструкт, текстуальная формация, выполняющая несколько взаимосвязанных между собой, равноправных функций (f):

- 1) Собственно художественную f;
- 2) Собственно информативную f;
- 3) Онтологическую f;
- 4) Герменевтическую f;
- 5) Когнитивную f;
- 6) Аксиологическую f;
- 7) Феноменологическую f и др.

Данная классификация включает в себе общефункциональные коннотации культурных кодов в тексте. Более подробная классификация функций дана в схеме 3. Культурный код в литературном (художественном) произведении имеет амбивалентную природу: семантическое и функциональное наполнение. В аспекте референциальности и функциональности культурный код понимается нами как специфический механизм (инструмент) хранения и преемственной передачи важной информации об истории, философии, духовной и материальной культуре человека (*индивидуума*), этноса, группы этносов конкретного региона, той или иной цивилизации, *всего человечества, Вселенной (Универсум)*.

Взаимосвязи между выделенными компонентами (информантами) графически можно изобразить, как минимум, в двух моделях – вертикальной и циклической (Схема 1, Схема 2).

Схема 1 - Вертикальная модель связи информантов

Примечание – Схема 1 составлена автором.

В данной схеме выделяется специфическая градация информантов² – носителей культурной информации, отражается четкая связь между компонентами модели. При этом первичный информант - человек и конечный компонент представленной вертикальной модели - Вселенная (Универсум) четко коррелируются между собой, спроецированы друг на друга. Как правило, в исторических произведениях взаимосвязь *Универсум - Человек* является основной. Человек выступает носителем вселенской информации, а Вселенная вмещает в себя информативные потоки всех компонентов, в первую очередь человека.

В циклической модели представлено иное качество взаимосвязей информантов. Здесь Универсум примечательно «отчужден» от других информантов, но выступает информативно-коммуникативным ядром в трансляции и аккумуляции сакрального Знания.

Схема 2 - Циклическая модель связи информантов

Примечание – Схема 2 составлена автором.

В аспекте данной модели повествовательная стратегия, к примеру, рассказа «Шамбала сияющая» Н.К.Рериха может быть рассмотрена как последовательное детализированное представление и попытка осмысления важных понятий, категорий, персоналий древней восточной духовной традиции через ядерный концепт «Шамбала».

В системе многочисленных культурных кодов казахской литературы значительное место занимают историко-культурные коды (далее ИКК). Предварительный контент-анализ ряда произведений, в особен-

² Информант - носитель культурной информации, служащий источником информации.

ности исторического жанра, показывает, что ИКК занимают порядка 65-70 % всего текстового пространства. Это и закономерно, когда предметом внимания художника является История со всеми ее феноменами, прецедентами и эпистемами (по М.Фуко).

Историческая проблематика во все времена привлекательна своей неоднозначностью, смысловой объемностью, референциальной соотнесенностью с множеством абстрактных и предметных субстанций. Ведь известный тезис гласит о том, чтобы адекватно понять происходящие в настоящем времени события, предвидеть будущее, возможно только через знания о прошлом. Обобщенно говоря, историческая тематика в литературе -художественная репрезентация актуальных во все времена вопросов сохранения национальной памяти, преемственности поколений, духовности и нравственности.

Осмыслению феноменологической составляющей исторического времени в литературном тексте посвящена работа «Проблема историзма в художественной литературе: референциальный аспект» Д.В. Спиридонова [3]. «Понятие историзма в отношении литературного текста, - замечает он, - существует в литературоведении давно, однако его содержание представляется крайне нечетким и до сих пор не становилось объектом серьезных теоретико-литературоведческих исследований. Виной тому, по всей вероятности, внежанровый характер самого феномена историзма: отсутствие опоры на какие бы то ни было формальные признаки в определении природы историзма предполагает поиск новых методологических путей, которые бы позволили приблизиться к пониманию сущности историзма и механизмов фиксации его в тексте. Остановимся на исследовании механизмов референции, лежащих в основе историзма в прозаических эпических жанрах и составляющих, как нам представляется, логический каркас феномена чувственной актуализации исторического времени в литературном повествовании» [3].

Соотношение и взаимосвязь описываемого события с более поздним историческим событием, явившимся последствием первого, позволяет говорить о «двойной событийности» исторического повествования – в этом смысле, возможно, и следует понимать слова известного нарратолога Вольфа Шмида о том, что «события категориально целиком предопределены историей» [4, с.29].

Историко-культурные коды в литературном тексте по своей феноменологической, коммуникативной и диалогической природе сближаются с универсалиями в общефилософском значении, универсалиями культуры, понимаемыми как «общечеловеческие репрезентации культурного опыта и деятельности», собственно литературными концептами и универсалиями. При текстовом анализе того или иного исторического (и не только) произведения термин «историко-культурный код», в отличие от концепта, конструкта или универсалии, нам представляется предпочтительным, поскольку в полной мере отражает феноменологическую природу художественного дискурса с его стремлением к выше названной «концептуализации данных».

Через художественное кодирование (шифрование) различных данных об истории, дипломатии, персоналиях, географических, религиозно-культурных, экономических и политических особенностях того или иного региона, конкретном историческом времени читатель получает возможность воссоздать специфическую картину древнего мира, детализированную и абстрактную (за счет неминуемо возникающих философских, мировоззренческих, этических ассоциативных рядов) одновременно.

Большой объем ИКК в литературном тексте, как правило, связан с воссозданием в нем определенных элементов материальной культуры, закономерно эксплицируемых в духовный каркас исторического знания. Наиболее частотными в литературе выступают такие, обладающие безусловной ценностью, пространственные коды, как *небо, земля, степь, горы (первичные коды), архитектурные сооружения, реки, моря, город, сакральные (ритуальные, защитные) стены (Великая Китайская стена, Стена плача, Мидийская стена Навуходоносора и др.), гарнизонные укрепления, крепости, башни (вторичные коды)* и другие. При этом первичные коды могут быть маркированы универсальной и/или ярко выраженной этнокультурной символикой и метафорикой, восходящей к архаическому сознанию одушевления окружающих объектов.

В рамках данной статьи мы намеренно не обращаемся к классическому пониманию феноменологии Э.Гуссерля, Р.Ингардена, где последняя понимается «дескриптивная наука о сущностях трансцендентально чистых переживаний в пределах непосредственной интуиции» [5].

В литературоведческом контексте феноменологическую природу ИКК можно интерпретировать в нескольких значениях:

- ИКК как феномен художественного сознания, в котором референциально могут присутствовать априори множество ассоциативно-смысловых связей, компонентов, конфигураций, в свою очередь порождающих все новые и новые смыслы в зависимости от компетенции воспринимающего (реципиента);

- ИКК как феномен организации текстового пространства, его структуры. Здесь идет речь больше о т.н. «внетекстовой реальности» (Ю.М.Лотман).

- ИКК как онтологический феномен, или инструмент познания иной, отдаленной во времени историческом, действительности, реальности «дней минувших», при этом памятуя о том, что «человек всегда несет с собою всю свою историю и историю всего человечества» (К.Г. Юнг).

Высказанные нами идеи солидаризируются с позицией Д. Соболева, который предлагает свое принципиально отличное от других интерпретаций понимание феноменологии литературы как «семиотической феноменологии»

[6]. В работе «Проблема феноменологии произведения» он отмечает: «Ее (феноменологии – А.С., Х.А.) объектом является система - или системы - взаимосоотнесенных сознательных смыслов в их отношении к человеческому существованию и в той форме, в какой они реализованы в некоем тексте или корпусе текстов; в отличие от работ Женевской школы, семиотическая феноменология не ставит своей целью реконструкцию авторского сознания “по ту сторону” его предполагаемых текстуальных реализаций. *Объектом ее анализа являются тексты, и именно тексты*» [6] (курсив Д.Соболева). Предложенная концепция достаточно интересна и обоснована, на наш взгляд, в контексте литературоведческого дискурса, поскольку акцентирует внимание исследователя в первую очередь на реализованных в тексте смыслах и значениях, особенно когда речь идет о произведениях исторического жанра.

Для казахской литературы и других видов искусства подобная смысловая и синестезийная емкость ИКК как феноменов художественного и исторического сознания детерминирована спецификой исторического повествования, где детали также подчинены задачам «масштабной художественной реконструкции национальной истории и культуры» [7]. «... процесс осмысления и переосмысления известных исторических сюжетов, мифов, легенд, сказаний выступает мейнстримовым направлением современной казахской прозы. Конечно, историко-культурный дискурс в художественном произведении предполагает большую долю достоверности, исторической фактографичности» [7, с.59].

Одной из популярных тем в казахской исторической романистике является взаимодействие *степи* (первичный код) и *города* (вторичный код), ассоциативно связанных с более обширными культурными кодами степной и городской культуры, степной цивилизации (М.К.Козыбаев), номадическими и урбанистическими центрами древнего Востока.

В настоящей статье мы более подробно остановимся на анализе семантики и функциональной направленности кода *степь* в диалогии «Саки» [8] Булата Жандарбекова. Анализ кодов города и других пространственных объектов будут представлены в других наших работах.

В романе «Саки» последовательно и искусно выстраивается картина сложных взаимосвязей двух цивилизаций – степной, преимущественно номадической, и оседлой, развитой городской культуры стран Передней Азии, Ближнего Востока.

Код степи выступает одним из его стрессовых конструктов. Будучи феноменом пространственного и природного значения, степь имеет константное значение и соответствующие высокие ценностные характеристики: степь как родина, степь как мать, степь как защитница. В этом смысле степь сближается по своей семантике с универсальным для многих культур концептом «земля»: Жер-ана, Земля-матушка, «Земля – индейский барабан» [9 цит. по кофман, с. 138] и т.д., находящим свое отражение в идиоматическом корпусе многих языков [10, 11, 12].

Хотя этот образ в разных культурах также имеет свои этноспецифические черты. К примеру, А.Ф.Кофман, рассматривая семантику кода *земли*, реализуемого через соответствующий мифообраз, в латиноамериканской литературе, определяет его в качестве «ядра мифологической инфраструктуры латиноамериканской литературы» [9, с. 134]. Земля приобретает специфические коннотации культурной принадлежности героя: «Отчетливо выраженное культуропорождающее содержание решительно доминирует в латиноамериканском образе земли, подчиняя либо приспосабливая к себе все прочие значения. Писатель воспринимает землю прежде всего как свою культурную почву, символ своей инаковости... Произведения последнего (*Карпентьера*), в сущности, все выстраиваются на сюжете поиска человеком своей земли, а тем самым, своей культуры и духовности» [9, с.135].

В отличие от концепта «земля», соотносимого с человеком, в номадической культуре код *степь* обладает иной метафорикой, большей обособленностью, самостоятельностью функционирования, что связано, возможно, с феноменом предельного абстрактно-образного мышления, исторического опыта, сурового быта и уклада кочевников. В казахском фольклоре и литературе степь как пространственный объект, имея значение положительно маркированного пространственного кода, находится все же вне влияния человека, хотя и тесно связан с ним.

В постмодернистских же текстах с их нацеленностью на раскрытие или иную разработку «табуированных тем» можно увидеть и качественное изменение традиционной символики. К примеру, в романе «Сны окающих» Аслана Жаксылыкова образ степи теряет свое значение некоего незыблемого неподвластного человека, константного пространства. Здесь значение этого концепта трансформируется: под воздействием техногенных сил (степь - целина) степь становится символом последствий рукотворного зла, приобретает отличную от традиционной отрицательную маркировку.

В историческом романе «Саки» *степь* как историко-культурный код выполняет несколько повествовательных функций: фонового дискурса, где ключевые события повествования разворачиваются именно в

степи (на фоне бескрайних степных просторов); информативно-коммуникативного моста между городской и степной реальностью; средства создания целостного художественного пространства диалогии и др. ИКК *степь* здесь означает *степь саков*, соотносится с другими специфическими номадическими пространственными и иными феноменами – *летовка, зимовка, пастбище, набеги, табуны, юрты и т.д.* Среди указанных функций в данном тексте преобладает функция фонового дискурса.

Степь Жандарбекова имеет четко оформленную традиционно-символическую, преобладающе нейтральную стилистику (степные просторы, степная даль, кочевая степь, кочевье, пастбище). Огромное пространство сакской степи – это, прежде всего, основной фон событий, эпизодов, арена действий главных и второстепенных героев, батальных сцен, демонстрации известного степного «этикета» («Гость в степи священен!»). В отличие от упомянутого постмодернистского романа здесь степь не персонифицирована: это нейтральное пространство, с четко заданной синестезийной дистанционностью между ним и происходящими драматическими событиями. В редких случаях происходит незначительное повышение «эмоционального статуса» данного концепта: «Кочевая степь полыхала пожаром междоусобиц». Другими словами, в романе «Саки» степь – максимально автономное пространство, не зависящее от каких-либо факторов, сценариев, событий, действий персонажей, но и центральный код, выступающий ключевым индикатором принадлежности персонажа, происходящих событий к истории и культуре древних номадов.

Нейтральная стилистика кода *степи* связана с его феноменологическим восприятием, что придает повествованию устойчивую философско-сакральную глубину: сакральную незыблемость *Степи* в контексте большого исторического времени.

В целом же историко-культурные коды как основа художественного повествования существуют на разных уровнях прозаического произведения: собственно событийном, системе образов, мотивов, символов, пространственно-временном и других. Они могут отражать имплицитно существующую художественную картину мира нарратора (даже нескольких нарраторов), их культурный уровень, национальный образ мира, систему психологических и поведенческих моделей представителей того или иного этноса, а также универсальные философские смыслы и многое другое.

Функциональное измерение (схема 3) и семантика культурных (в том числе ИКК) кодов в литературе детерминируется и авторской концепцией моделирования художественного времени и пространства, системы образов, жанрово-стилевой спецификой текста, мировоззренческими и эстетическими установками автора. Феноменологический аспект подобного моделирования и техники кодирования значимой историко-культурной информации объясняется наличием имплицитных и эксплицитных информантов текста, определенной заданностью «сценария» повествования.

Схема 3 - Функции культурного кода в художественном тексте

Примечание: Схема 3 составлена автором.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Зверев А.М. XX век как литературная эпоха // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – с.31.
- [2] Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. / Пер. с англ. - Харьков: Гуманитарный Центр, 2009. – с.333.
- [3] Спиридонов Д. В. Проблема историзма в художественной литературе: референциальный аспект. № 39(2005) Гуманитарные науки. Выпуск 10. Филология. - Режим доступа URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0039\(01_10_2005\)&doc=../content.jsp&id=a19&xsl=showArticle.xslt](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0039(01_10_2005)&doc=../content.jsp&id=a19&xsl=showArticle.xslt) - (дата обращения 11.04.2013).
- [4] Шмид В. Нарративные уровни «события», «история», «нарратив» и «презентация нарратива» // Интертекст. Культура. М.: Азбуковник, 2001. - с.25-40.
- [5] Феноменология. - Режим доступа URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/феноменология> - (дата обращения 26.06.2015).
- [6] Соболев Д. Проблема феноменологии произведения // Вопросы литературы 2012. - №1. - Режим доступа URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/1/so11.html> - (дата обращения 18.05.2015).
- [7] Алтыбаева С. Нарративные модели современного казахского исторического романа// RESPECTUS PHILOLOGICUS. - 2012. - №22 (27). – с.59.
- [8] Жандарбеков Б. Саки. Роман-дилогия. – Алматы: Жазушы, 1992.- 624 с.
- [9] Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. - М.: Наследие, 1997. – 320 с.
- [10] Чжао Сюцин. НЕБО и ЗЕМЛЯ в русской языковой картине мира. -Автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. филол.н.- М., 2010. - Режим доступа URL: http://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2010/chzho_sucin.pdf - (дата обращения 23.05.2015).
- [11] Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. - с.321-322.
- [12] Муллағалиева Л.К. Концепт земля в диалоге культур. - Режим доступа URL: www.actalinguistica.com/arhiv/index.php/als/article/download/124/148 - (дата обращения 13.05.2015).

REFERENCES

- [1] Zverev A.M. XX vek kak literaturnaya epokha // Khudozhestvennyye oriyentiry zarubezhnoy literatury XX veka. – M.: IMLI RAN, 2002. – s.31.
- [2] Ticher S., Meyyer M., Vodak R., Vetter Ye. Metody analiza teksta i diskursa / Per. s angl. - Khar'kov: Gumanitarnyy Tsentr, 2009. – s.333.
- [3] Spiridonov D. V. Problema istorizma v khudozhestvennoy literature: referentsial'nyy aspekt. № 39(2005) Gumanitarnyye nauki. Vypusk 10. Filologiya. - Rezhim dostupa URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0039\(01_10_2005\)&doc=../content.jsp&id=a19&xsl=showArticle.xslt](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0039(01_10_2005)&doc=../content.jsp&id=a19&xsl=showArticle.xslt) - (data obrashcheniya 11.04.2013).
- [4] Shmid V. Narrativnyye urovni «sobytiya», «istoriya», «narratsiya» i «prezentatsiya narratsii» // Intertekst. Kul'tura. M.: Azbukovnik, 2001. - s.25-40.
- [5] Fenomenologiya. - Rezhim dostupa URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/fenomenologiya> - (data obrashcheniya 26.06.2015).
- [6] Sobolev D. Problema fenomenologii proizvedeniya // Voprosy literatury 2012. - №1. - Rezhim dostupa URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/1/so11.html> - (data obrashcheniya 18.05.2015).
- [7] Altybayeva S. Narrativnyye modeli sovremennogo kazakhskogo istoricheskogo romana// RESPECTUS PHILOLOGICUS. - 2012. - №22 (27). – s.59.
- [8] Zhandarbekov B. Saki. Roman-dilogiya. – Almaty: Zhazushy, 1992.- 624 s.
- [9] Kofman A.F. Latinoamerikanskiy khudozhestvennyy obraz mira. - M.: Naslediye, 1997. – 320 s.
- [10] Chzhao Syutsin. NEBO i ZEMLYA v russkoy yazykovoy kartine mira. -Avtoref. diss. na soisk. uchenoy stepeni kand. filol.n.- M., 2010. - Rezhim dostupa URL: http://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2010/chzho_sucin.pdf - (data obrashcheniya 23.05.2015).
- [11] Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznaniye. – M.: Russkiye slovari, 1996. - s.321-322.
- [12] Mullagaliyeva L.K. Kontsept zemlya v dialoge kul'tur. - Rezhim dostupa URL: www.actalinguistica.com/arhiv/index.php/als/article/download/124/148 - (data obrashcheniya 13.05.2015).

С.М. Алтыбаева¹, А.Р. Хазбулатов²

¹Абылайхан атындағы ҚазХҚ және ӨТУ, Алматы, Қазақстан;

²Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институты, Астана, Қазақстан,

ҚАЗАҚСТАН ӘДЕБИЕТІНІҢ ТАРИХИ – МӘДЕНИ КОДТАРЫ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯЛЫҚ ҚЫРЫ

Аннотация. Мақалада қазақстан көркем әдебиетіндегі тарихи – мәдени кодтар мазмұны мәселелері мен қызметі феноменологиялық қырынан зерттеледі. Тарихи – мәдени кодтар семантикасы, әңгімелеудегі қызметі жалпы кодтау теориялары қырынан қаралады. Қазақ әдебиеті, оның ішінде тарихи проза ұлттық сана түрі

ретінде ауызша және жазбаша дәстүрде қалыптасқан көптеген мәдени кодтарды жинақтайды. Тарихи – мәдени кодтар әдеби мәтіндерде өзінің феноменологиялық, қарым-қатынастық және диалогиялық табиғатына байланысты жалпыфилософиялық универсалиялармен, «мәдени тәжірибе мен қызметті жалпы адамзаттық репрезентациялаулар» деп қабылданатын мәдени универсалиялармен, жалпы әдеби концептілер, универсалиялармен тікелей жақын болып табылады. Әдебиеттегі тарихи – мәдени кодтар семантикасы мен қызметі мақсаты оның көркемдік уақыты мен кеңістігі моделініңавторлық концепция бойынша жасалуымен, бейнелер жүйесі, мәтіннің жанрлық стильдік ерекшелігі, автордың дүниетанымдық және эстетикалық ұстанымдарымен тікелей байланысты. Аталған модельдеу феноменологиялық қыры және басты тарихи – мәдени ақпаратты кодтау техникасы мәтіннің имплицитті және эксплицитті ақпараттандырушысының бар болуымен, әңгімелеу барысы алдын ала белгілі болуымен байланысты түсіндіріледі.

Тірек сөздер: тарихи – мәдени кодтар, әдебиет, дәстүр, мәдени мұра, қызметтер, семантика, феноменологиялық қыры.

Сведения об авторе:

Алтыбаева С.М. - доктор филологических наук, доцент КазУМОиМЯ им. Абылай хана;

Хазбулатов А.Р. - генеральный директор Казахского научно-исследовательского института культуры Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, PhD в области искусствоведения